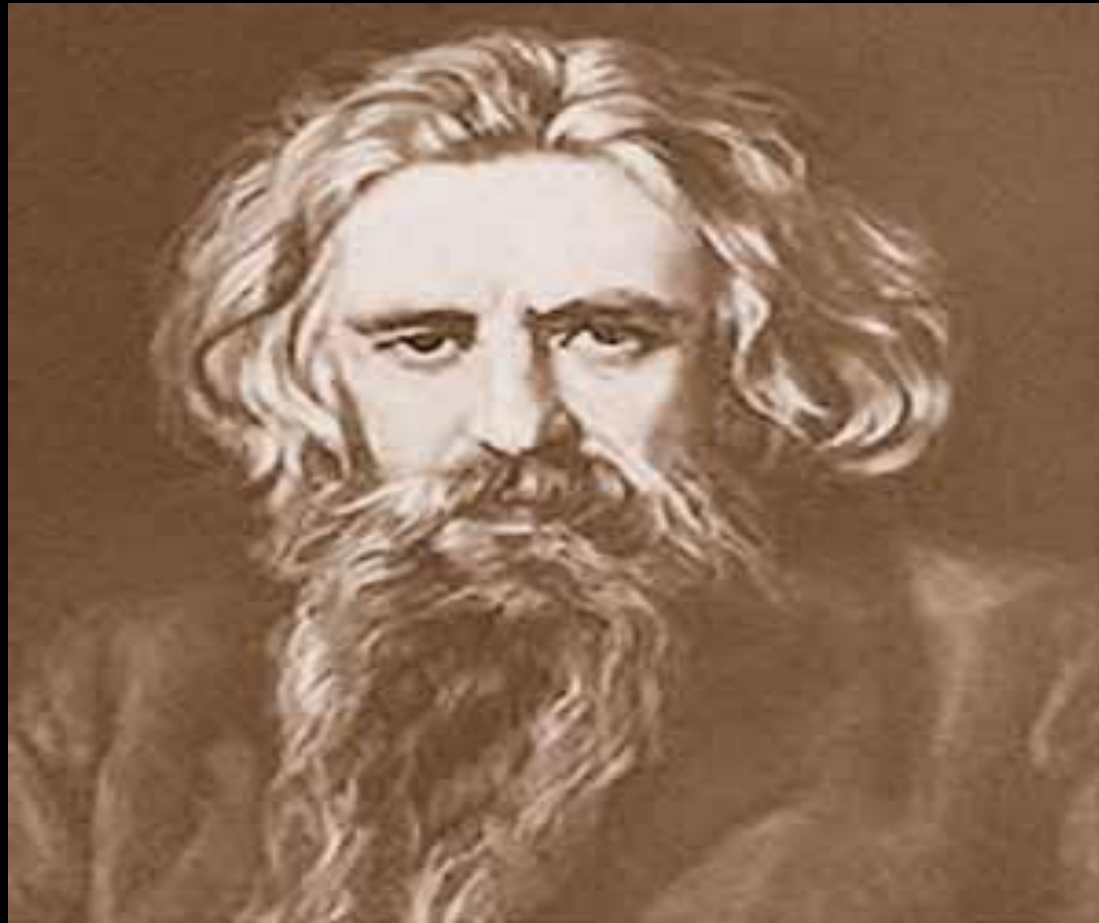
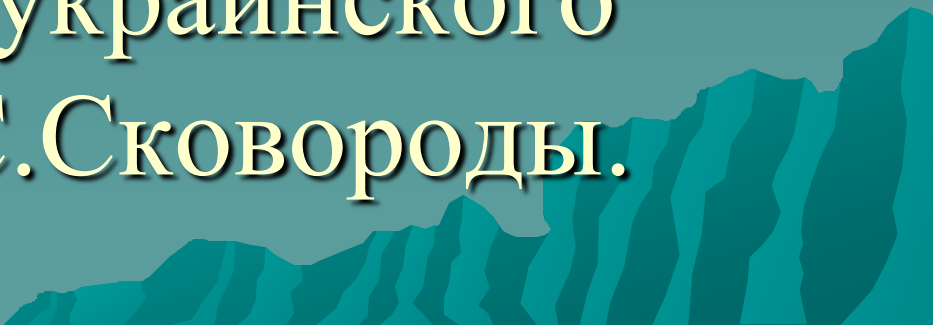

СОЛОВЬЕВ
ВЛАДИМИР
СЕРГЕЕВИЧ
(1853- 1900)

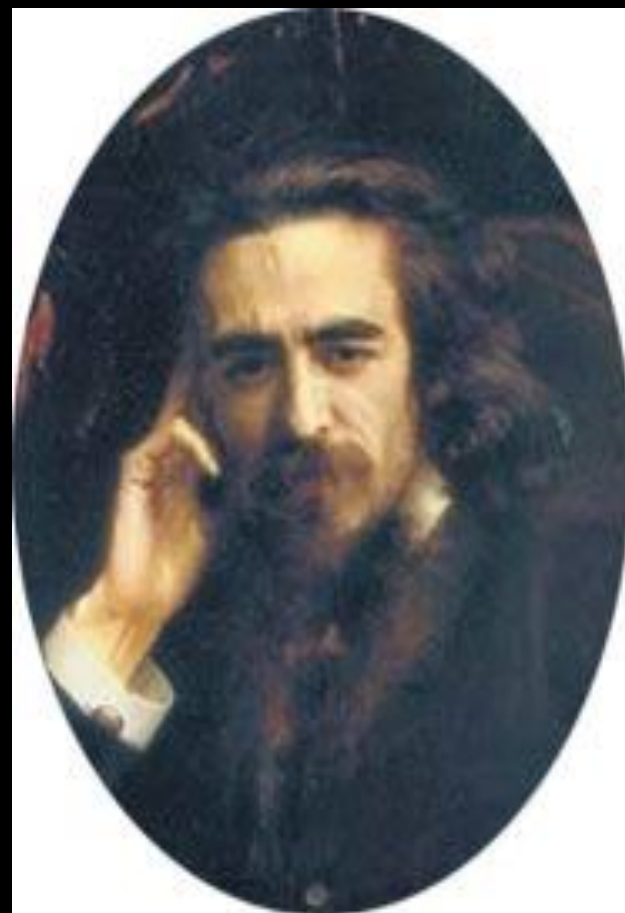
СОЛОВЬЕВ ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ
(1853–1900), русский философ, поэт,
публицист и литературный критик.

Родился 16 (28) января 1853 в
Москве, сын Сергея
Михайловича Соловьева,
ученого-историка, автора
монументальной Истории России
с древнейших времен. По
материнской линии отдаленный
родственник украинского
философа Г.С.Сковороды.

A stylized, dark blue silhouette of a mountain range is located in the bottom right corner of the slide, partially overlapping the text.

Блестяще окончив
гимназию, поступил на
физико-математический
факультет Московского
университета, где
проучился два года.
Перешел на третий курс
историко-филологического
факультета и в качестве
вольнослушателя посещал
лекции в Духовной
академии.

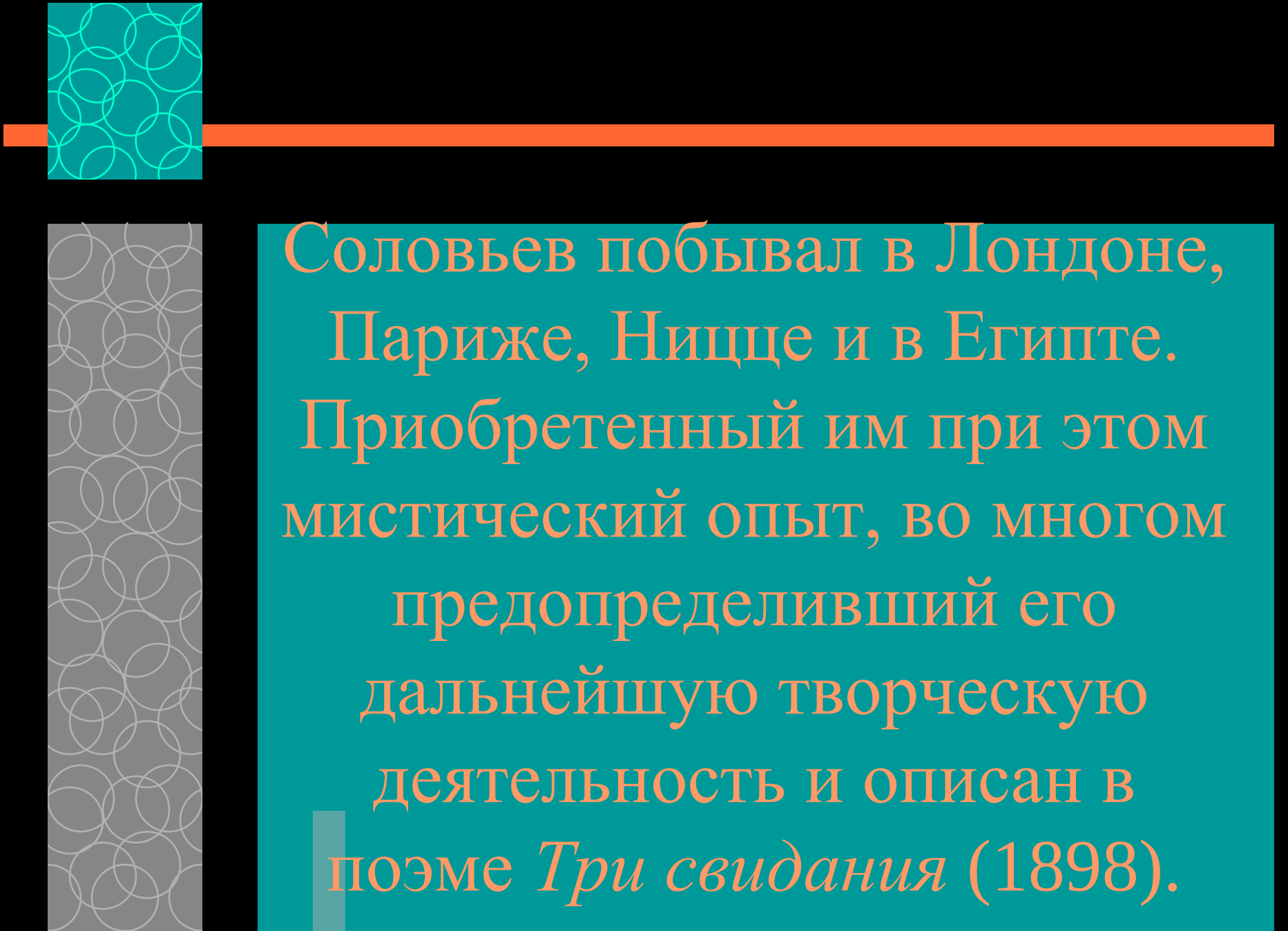
«Будучи с детства занят религиозными предметами, я в возрасте от 14 до 18 лет прошел через различные фазы теоретического и практического отрицания», — писал он.

Окончив университет в 1873, по особому ходатайству был оставлен при кафедре философии для приготовления к профессорскому званию. В 1874 защитил магистерскую диссертацию *Кризис западной философии*. Диссертация была строго осуждена в «Отечественных записках», но в академических кругах произвела самое благоприятное впечатление, и Соловьев получил должность доцента Московского университета по кафедре философии.

Лекции он читал лишь полгода: 31 мая 1875 его командировали за границу «с целью изучения индийской, гностической и средневековой философии».

Соловьев побывал в Лондоне, Париже, Ницце и в Египте. Приобретенный им при этом мистический опыт, во многом предопределивший его дальнейшую творческую деятельность и описан в поэме *Три свидания* (1898).

К середине 1870-х годов относятся его первые значительные стихотворения, сопутствовавшие развитию философской мысли. Соловьев желал считать себя лишь «благодарным учеником фетовской поэзии», стихи его открывали новые поэтические перспективы и послужили стимулом творчества Блока, Иванова, Балтрушайтиса и других младших СИМВОЛИСТОВ.

1877–1881 Соловьев провел большей частью в Санкт - Петербурге, читая курсы лекций в университете и на Высших женских курсах и подготавливая к печати свои программные философско-богословские сочинения *Философские основы цельного знания* (1877), *Критика отвлеченных начал* (1877–1880) и *Чтения о Богочеловечестве* (1878–1881).

Осудив убийство народовольцами
Александра II, Соловьев, однако, обратился
к новому императору с настоятельным
предложением помиловать цареубийц во
имя высшей, божеской справедливости. Это
вызвало крайне отрицательную реакцию
официальных кругов, и, не желая
подчиняться никаким и ничьим указаниям,
Соловьев решил оставить
преподавательскую деятельность.

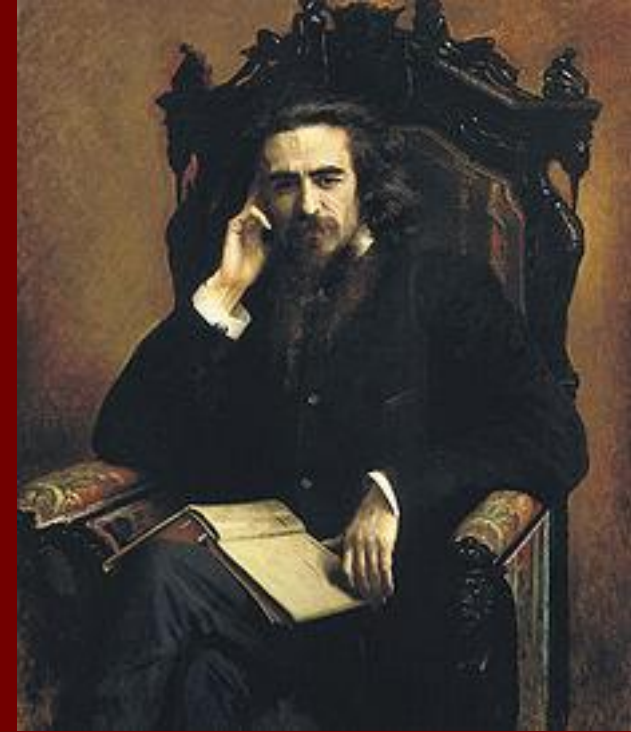

Лишь через восемнадцать лет, незадолго до смерти, он прочел ряд лекций в новоучрежденном Санкт-Петербургском философском обществе. Эти годы были чрезвычайно продуктивны: Соловьев занимался научно-теоретическими исследованиями в области истории и философии религии, опубликовал десятки публицистических и литературно-критических статей, в 1891–1900 тремя изданиями вышла его книга *Стихотворения*.

В 1882–1888 он обращался преимущественно к религиозно-церковным вопросам, главные работы этого времени – *Духовные основы жизни* (1882–1884), *История и будущность теократии (Исследование всемирно-исторического пути к истинной жизни)* (1885–1887), *Россия и вселенская церковь* (1889).

Историофилософские
устремления мотивируют
разработку Соловьевым
конкретных политических
проблем в трактате *Великий спор
и христианская политика* (1883–
1887) и двух выпусках (1883–
1888 и 1888–1891) исследования
Национальный вопрос в России.
Сюда же относятся труды *Китай
и Европа* (1890), *Из философии
истории* (1891), *Византизм и
Россия* (1896).

Нравственно-метафизическая подоснова подлинного, сопричастного Богу существования изучается в итоговых философских трактатах Соловьева – *Смысл любви* (1892–1894) и *Оправдание добра* (1894–1897). Здесь наиболее полно представлена его доктрина «всеединства» и «цельного знания», отраженная в учении о «мировой душе» – Софии. Средоточием эстетического учения Соловьева было прозрение художника, сообразное живой истине мироздания, т.е. религиозному откровению.

Многие его собственные стихотворения, например, «Бедный друг! истомил тебя путь», «Милый друг, иль ты не видишь», стали программными текстами раннего русского символизма, при том что на брюсовские сборники *Русские символисты* Соловьев, принципиальный противник «декадентства», отозвался насмешливой рецензией и меткими пародиями. Ирония сильна в его художественном творчестве, о чем свидетельствуют его шуточные стихи, эпиграммы и пьеса-буффонада *Белая лилия* (1893).

В конце жизни, к началу новой революционной эпохи, явственно дававшей о себе знать, принципиально оптимистическое мировоззрение Соловьева обрело тревожный призыв. Предчувствие грандиозной социальной катастрофы общемирового масштаба и ее отражение в сознании и судьбе чуткого мыслителя определяют пафос его драматических диалогов *Три разговора* (1899–1900), поздней эссеистики (*Воскресные письма*, 1897–1898) и историко-философского исследования *Жизненная драма Платона* (1898).

Предсказания, предчувствия и обращенные в будущее соображения Соловьева отразились в политическом и поэтическом сознании последующих десятилетий; так, его стихотворная декларация *Панмонголизм* прямо предвещает поэму Блока *Скифы*.

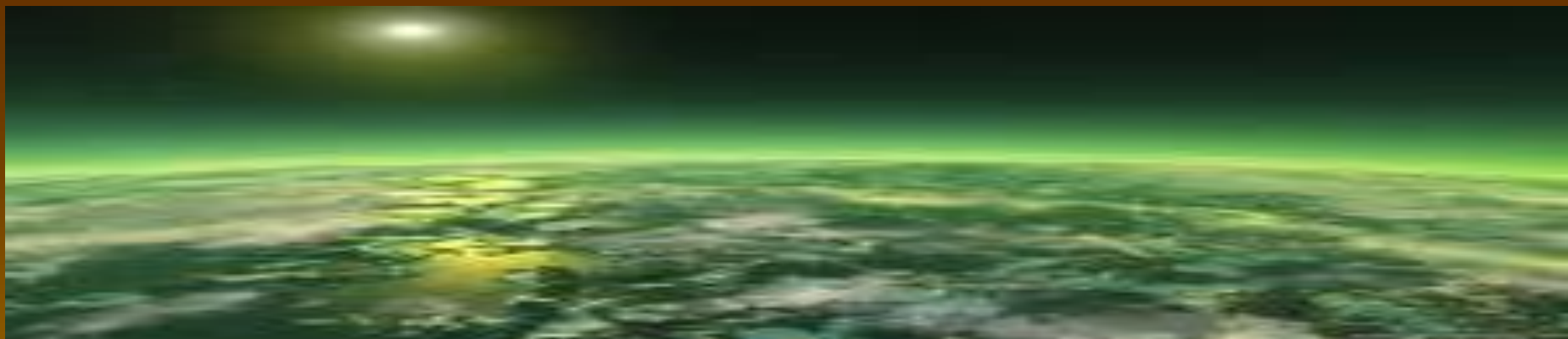
Философско-богословский взгляд
Соловьева на мир вкратце сводится к
следующему. Мир лежит во зле. На
земле царят грех и смерть, причем не
только с момента грехопадения Адама
и Евы. Мир в целом есть единый
живой организм. Первоисточником
мира и средоточием жизни является
мировая душа, от века существующая в
Боге.

Она обладает свободой и может либо подчинить себя Всеединству божественного мира и стать его частью, либо по своей воле выделиться из этого единства и существовать сама по себе. Домирным и иррациональным актом она выбирает вторую
ВОЗМОЖНОСТЬ.

Тем самым она выпадает из божественного Всеединства и материализуется в формах времени, пространства и механической причинности, поскольку существование вне Бога возможно только в этих формах. Но в мире, отныне отделенном от Бога, сохраняется тоска по возврату во Всеединство божественной жизни. Попытка этого возврата и составляет содержание мирового процесса.

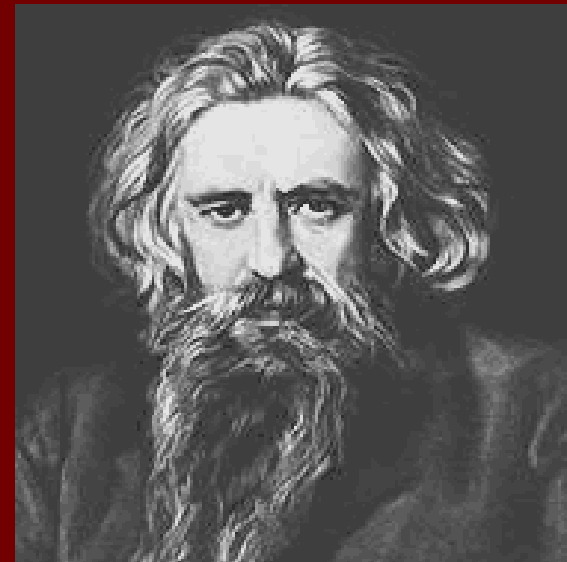
В природе этот процесс совершается бессознательно; человечество, достигнув достаточно высокой ступени развития, участвует в нем с сознанием происходящего.

Греховную разобщенность мира и Бога преодолел Христос. Будучи абсолютно безгрешным, он в воскресении победил также и смерть. Смысл и содержание истории человечества после Христа заключается в распространении его индивидуальной победы над грехом и смертью на весь мир: человечество стремится к вселенской теократии, к полному владычеству Бога в мире.

Если ему это удастся, то и природа
будет вовлечена в божественное
владычество, «освобождена будет от
рабства тлению в свободу славы детей
Божьих» и «будет Бог все во всем» .
Такой взгляд на Бога и мир, на истоки
и цель всего бытия сложился у
Соловьева, черпавшего из различных
источников, уже в ранние годы и
сохранился — в главном и
существенном — до конца его жизни.

Он не оставлял попыток изложить этот взгляд еще с большей ясностью и показать, какие следствия вытекают из такого миропонимания для нашей деятельности в мире. Свои усилия он называл «общим установлением христианской философии» и стремился «ввести вечное содержание христианства в новую соответствующую ему, т.е. разумную безусловно, форму».

Для этого он изучал философию, богословие, историю религий. В диссертации *Кризис западной философии* он показывает, что западная философия благодаря Гегелю приобрела чистую, но бессодержательную форму, а теперь, в философии Шопенгауэра и Э.фон Гартмана, пытается вновь обрести содержание. Но это содержание в готовом виде уже имеется на Востоке, в его великой богословской мудрости, хотя и «в форме веры и духовного созерцания».

Задача заключается в том, чтобы соединить логическое совершенство западной формы с содержательной полнотой еще бесформенных «духовных созерцаний Востока». Философия подает руку религии и положительной науке. «Достижение этой цели будет восстановлением совершенного внутреннего единства умственного мира».

В декабре 1874 Соловьев много размышлял о Софии – божественной Премудрости, личностному воплощению божественной первоосновы мира. Премудрость, живущая от вечности в Боге, после грехопадения мировой души осталась в Боге. Для Соловьева это не просто миф, София для него – предмет чувственно-сверхчувственного мистического опыта. Свою задачу отныне он видит в том, чтобы содействовать восстановлению целостности мира, объединению мировой души с небесной Софией.

Это содействие не могло для него ограничиться академической и литературной сферой. Участие в осуществлении Всеединства состоит в подчинении воле Бога, играющей определяющую роль во всех областях частной и общественной жизни. Соловьев называет это «теургическим творчеством» или «христианской политикой».

Философ считал Россию и славянский мир центром и отправным пунктом вселенской теократии и он настаивал на том, что именно здесь духовная и культурная, социальная и политическая жизнь должна быть отмечена Духом Христовым. Но он все больше ощущал, насколько русская действительность не соответствует этому требованию.

Разочаровавшись в Русской православной церкви, которая в результате «безмолвного подчинения светской власти» лишилась возможности помогать государству пророческими указаниями, Соловьев стал по-другому относиться к «римскому началу», которое прежде резко осуждал.

В те годы Рим подавал пример энергии и непреклонности: церковь, казалось бы лишенная власти, выступила против «заблуждений нашего времени», против притязаний секуляризованных государств. В проекте Соловьева Россия оставалась теократией, к которой были устремлены его помыслы и чаяния, однако в соответствии с его теперешним пониманием монарх, носитель царской власти, должен был сначала преклонить колена перед верховным представителем власти священнической, перед преемником Петра на римской

В те годы Рим подавал пример
энергии и непреклонности:
церковь, казалось бы лишенная
власти, выступила против
«заблуждений нашего
времени», против притязаний
секуляризованных государств.

В проекте Соловьева Россия оставалась теократией, к которой были устремлены его помыслы и чаяния, однако в соответствии с его теперешним пониманием монарх, носитель царской власти, должен был сначала преклонить колена перед верховным представителем власти священнической, перед преемником Петра на римской кафедре.

В себе Соловьев видел представителя третьего руководящего сословия в теократии, сословия пророков, задача которых — указывать человечеству путь в будущее. По убеждению Соловьева, он первым делает то, что надлежит сделать русскому народу и его царю: он признает преемника Петра как высшего судью в вопросах веры и как средоточие единства церкви; в пламенных словах, обращенных к папе Римскому и русскому царю, к народам Западной Европы и России и всему славянству, он требует от всего христианского мира осуществить вселенскую теократию.

Панславянски настроенный хорватский католический епископ Штроссмайер заинтересовался планами Соловьева и привлек к нему внимание Ватикана. Папа Лев XIII, распознав утопический характер планов и чаяний русского мыслителя, высказался по этому поводу сдержанно и критически. Французские иезуиты увидели в нем конвертита - человека, обратившегося в католическую веру.

Но вначале они ожидали от Соловьева, что он отречется от своих богословских мнений, противоречащих католической догматике, и прежде всего от своего учения о Софии и о возникновении мира в результате отпадения мировой души от Бога. Соловьев вступил в ожесточенный спор с французскими иезуитами, решительно отвергая распространившиеся слухи, будто он перешел в католичество.

Он и сам усомнился «в полезности и в исполнимости тех внешних замыслов, которым были отданы» его «так называемые лучшие годы». Он не только утратил веру в возможность скорого объединения Восточной и Западной церквей, сомнительным представлялся ему теперь и положительный исход мировой истории, ее плавный переход в Царство Божье.

«С нарастанием жизненного опыта» он все с большей отчетливостью видел ошибочность представления, будто добро преодолевает зло как бы автоматически, в процессе постоянного совершенствования человечества, пришел к выводу о сознательном, намеренном, иррациональном противлении добру. Символом этого противления стала для него фигура антихриста, хорошо известная из Библии и церковной традиции, но почти забытая в XIX в.»

В 1888 он писал: «Сейчас я рассматриваю более или менее все вещи с точки зрения вечности или по крайней мере в аспекте прихода антихриста». Этот персонаж появляется в одном из последних произведений Соловьева – *Краткой повести об Антихристе*, вошедшей в книгу *Три разговора* (1899–1900). В расколе христианства философ видел явление, противоречащее воле Христа и духу христианства.

К концу жизни Соловьев был православным в своем убеждении, что православие есть чистейшая и совершеннейшая форма христианства; он был католиком, считая, что Рим является законным и традиционным центром христианского мира; и он был протестантом в своей внутренней свободе по отношению ко всем церковным институтам и в защите совершенно свободного философского и богословского исследования.

Эту религиозную установку
(«Я так же далек от
ограниченности латинской,
как и от ограниченности
византийской, или
женевской») он называл
«религией Святого Духа».

Умер Соловьев в
с. Узкое под
Москвой 31 июля
(13 августа) 1900.